Неимоверно богатый

Бедственное положение других людей, с которым они сталкиваются, многому научило меня во время миссионерской поездки в Гватемалу.

Я изменился, и все началось с фото гватемальского мальчика. Но к этому подтолкнуло не само фото, какие мы видим так часто, что стали к ним безразличны, ребенок из бедной страны, который настолько чужд нашей жизни, что от него можно быстро отмахнуться. Это был возраст мальчика, который построил мост между ним и мной.

Видите ли, мальчик, несомненно, выглядел так, как будто ему было пять лет. Его черты были мягкими, невыразительными, а глаза – беззащитными, влажно-карими. Но ему было 10 лет, и именно поэтому я собрал более 1000 долларов США от семьи и друзей, упаковал чемоданы и отправился в страну, в которой никогда раньше не был, с целью, о которой я никогда не задумывался: миссионерская поездка в Антигуа, Гватемала, город, расположенный среди трех вулканов.

Мне сказали, что мальчик, который выглядел вполовину моложе своего возраста, страдал от недоедания, которое сдерживало его естественный рост. Вот почему он выглядел на пять, когда ему было десять лет. Проблема, согласно данным Всемирной Продовольственной Программы, широко распространена в Гватемале, называемой «страной вечной весны», где, как говорят, ее имеет каждый второй ребенок.

Как это могло случиться? Как застыло время для его тела, а не для моего? Как я могу ответить на страдания, которые происходят в одном месте, а не происходят в другом?

Именно этот последний вопрос, или какая-то его форма, побудил меня подойти к женщине, которая показала фотографию мальчика на большом собрании в больнице, проведенном моей компанией, AdventHealth, системе здравоохранения, финансируемой

адвентистами седьмого дня, и попросить отвести к нему. Я думал, что у меня есть ответ на этот последний вопрос, но я чувствовал себя обязанным бросить вызов своим убеждениям и помочь всем, чем мог.

Недавно я начал работать в администрации в AdventHealth, системе из 50 больниц в Соединенных Штатах. В течении 11 лет мы сотрудничаем с некоммерческой организацией One More Child и они стали нашими гидами в Гватемале. В этом году около 30 человек от нас отправились в путешествие.

Я помню, как я оказался в замешательстве в течение первых 48 часов, что на самом деле у меня не было никаких чувств или эмоций, когда я сидел и впитывал все происходящее под ярким гватемальским солнцем. Примером того, к чему я должен был приспособиться, является то, что в тот момент, когда мы ступили на эту землю, все мы стали 1% людей, внезапно превратившихся в непостижимо богатых.

Улицы города – это сети испанских зданий в колониальном стиле, склады и хижины, бетонные и коммерческие франшизы, расположенные среди пышных зеленых холмов, покрытых густым туманом. Огромные корни старых деревьев выпирали в тротуары, превращая их в валуны, но и молодые, и старые люди ходили по ним одинаково, с поэтическим равнодушием, в одежде, которую мог бы надеть я, или в одежде, которую носил бы только гватемалец: шерстяные одеяния землистых радужных цветов.

Гватемала – страна без светофоров и автомобильных аварий. Здесь есть мопеды, моторизованные рикши, блестящие, яркие школьные автобусы и 25-летние жужжащие седаны, в которых находчиво поддерживали жизнь местные жители. Все транспортные средства движутся с непостижимой логикой колонии муравьев и, возможно, с такой же эффективностью.

В наш первый день наши растущие ожидания и оптимизм, наконец, встретились лицом к лицу с нашей конечной целью: Ассоциацией Надежды Детей, организации по дневному уходу, которая помогает

кормящим матерям, часто принимает детей-сирот, поставляет продукты питания и проводит образовательные уроки как для детей, так и для взрослых.

Мы должны были также проводить свои собственные занятия в добавку к стоматологическим работам, ремонту помещений и всяким товарам, привезенным нами в 63 чемоданах, которые мы тащили за собой. Но гватемальцы приготовили нам свой собственный прием. Когда я зашел в класс 4-6-летних, наступил момент анархии. Пятеро из них мгновенно уцепились за мои ноги и одновременно кричали □□мне: «Amigoooooooo!» День, совершенно прекрасный, проходил так же.

Но на второй день пошел дождь.

И дождь шел, и шел. Водители автобусов были обеспокоены; ходили слухи об оползнях. Но только слухи. Мы пришли и обнаружили грязь на объекте, грязь, которая была повсюду. Я впервые заметил насморк у всех детей, что некоторые из их зубов были не белыми, а черными, что некоторые были потрясающе тихими, а также, что некоторые зацепили мое сердце.

Я пытаюсь представить себе Маэлли, страдающую от насморка девочку из Дневного Ухода с вьющимися каштановыми волосами, страдающую во взрослой жизни, окруженной чем-то худшим, чем хороший, чистый дом, хорошее образование, любящая семья и друзья, чем-то меньшим, чем она того заслуживала, и мелкими неприятностями. И я в тот день в автобусе по дороге домой с трудом сдерживал слезы.

И на третий день было так, наша работа шла параллельно с дождем, за исключением того, что дети, учителя и дождь взяли верх над нашим сдержанным волнением, даже над нашим оптимизмом, так что к четвертому дню, когда наконец засветило солнце мы были истощены.

По крайней мере, я.

Я метался между уроками и рабочими обязанностями, вытирал

волосы с лица, беспорядочно фотографировал после такой долгой, головокружительной недели. И солнце уже отсутствовало, смеясь над моим счастьем, издеваясь над моей усталостью. Когда мы в последний день обедали в комнате Дневного Ухода, я устало кушал с двумя сотрудниками One More Child в комнате, где у стен стояли металлические двухъярусные кровати и были выставлены матрасы.

«Я не понимаю», – сказал я. «Я обычно люблю работать. Есть много работы. Но сегодня я не могу подняться с земли. Я уже дремал часом. Как-то неловко.

«Не беспокойся об этом», – сказала 23-летняя сотрудница One More Child. «Это на самом деле одна из самых продуктивных недель, которые мы провели за весь год. AdventHealth – одна из лучших групп, которую мы привозили сюда».

Я не поверил этому. Я был почти уверен, что мы сделали немногое.

«Это правда», – сказал другой.

«Вы будете удивлены тем, сколько людей находят оправдание, чтобы не мыть пол, когда вы даете им швабру», – сказала 23-летняя сотрудница. «Они смотрят на тебя как…», и она поморщилась.

Немного позже я лежал на одной из двухъярусных кроватей. Люди входили и выходили из комнаты, и мои мысли крутились у меня в голове.

Ранее на этой неделе я увидел 17-летнего мальчика с задержкой роста. Я не сделал нормального снимка, кроме как издалека, и сделал такое фото, которое не подойдет, чтобы его показывать кому-либо, но заметил, какими большими были его глаза, каким счастливым и нормальным он был, неловкий, как любой подросток, с тщедушным телом, но удивительно проворный и годный. Должно быть, он весил 100 фунтов (около 45 кг – прим.пер.).

Почему я приехал сюда? Чего я надеялся достичь? В худшем случае это вуайеристическая поездка, где люди потворствуют своей вине. В лучшем случае это место, где мы служим и помогаем тем, кто в этом нуждается, соединяя два сообщества. Я был должен прийти сюда, посмотреть и понять это, но не смог. Возможно, я и не приблизился к этому ответу.

Потому что я не вижу страданий. Я вижу устойчивость, я вижу силу. Я чувствую свою слабость. Что мне не хватает? У меня был вопрос, и он привел меня сюда, и теперь у меня есть еще больше вопросов. Я чувствую только то, что меня втянули в постоянно углубляющуюся тайну.

Тканевые шторы в комнате мягко колышатся, словно само здание дышит через окна. Звонит колокол. Лает собака. Полный удивления и вопросов, я погружаюсь дальше в сон, измученный, но в мире.

Джейсон Райтер, AdventHealth
По материалам Adventist Review
Источник – logosinfo.org

Джейсон Райтер (Jason Ruiter) – специалист по коммуникациям в AdventHealth, где он помогает использовать свои навыки написания и рассказывания историй для усиления проблем и продвижения позитивных изменений как внутри, так и за пределами организации. До прихода в систему здравоохранения AdventHealth в 2018 году он несколько лет работал репортером в столичной газете и освещал широкий круг проблем, таких как правительство, преступность, окружающая среда, образование и государственная политика. Он живет в Орландо, штат Флорида.